

ПРАВО

Б.А. Спасенников

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и
процесса НОУ ВПО «Институт управления»

О.Н. Яковлева

Кандидат юридических наук, доцент
научный сотрудник ФКУ НИИ
ФСИН России

Возникновение воспитательных колоний как исправительных учреждений в России

В статье анализируются особенности возникновения воспитательных колоний как нового вида исправительных учреждений в дореволюционной России.

Ключевые слова: несовершеннолетний правонарушитель, наказание, воспитанник, исправительные заведения, работный дом, приют.

Преступления как общественно опасные деяния сопровождают человечество на протяжении всей его истории. Не являются исключением и преступления несовершеннолетних: многие рецидивисты, как показывают современные исследования, отражающие общие закономерности генезиса преступного поведения, начинают свою преступную карьеру именно в несовершеннолетнем возрасте [7. С. 505-506]. Естественно, что рано или поздно человечество должно было прийти к мысли о создании специализированных подразделений для исправления несовершеннолетних правонарушителей.

Идея организации принудительного воспитания и исправления «беспризорной,

порочной и преступной молодежи» и первые попытки реализации этой идеи в Европе относятся к XVI, а в России – к XVII-XVIII вв. Исследователи объясняют это как природными, так и главным образом социально-экономическими факторами. Так, на исходе Средневековья в разных странах Западной Европы из-за чумы осиротело множество детей, для которых в массовом порядке создавались сиротские дома как воспитательные заведения для обездоленных. Одновременно появляются такие заведения для «порочных и преступных детей». В России в начале XVII в. разразился жесточайший голод, затем последовала освободительная война, крестьянские волнения, выступления казачества и завоеванных наро-

дов, а к середине века назрели качественные изменения в экономике (рост денежного хозяйства, развитие мануфактур и промыслов), что усугубляло положение разоренных крестьян и завоеванных народов. Неустроенность людей вела к разрушению внутрисемейных отношений и самих семей. Все это порождало детскую беспризорность, сиротство, нищенство и преступность.

Множество детей устремлялось в города, в частности в Москву, где при царе Федоре Алексеевиче (1661-1682) были учреждены приюты-дворы для нравственно испорченных и просто несчастных детей, которых обучали грамоте и ремеслам.

Первые попытки исправления малолетних и несовершеннолетних преступников связаны с царствованием Екатерины II (1762-1796), которое помимо прочего ознаменовалось учреждением так называемых совестных судов (в 1775-1862 гг. губернские суды, которые наряду с гражданскими делами в порядке примирительной процедуры рассматривали некоторые уголовные дела, в том числе в отношении несовершеннолетних) и приказов общественного призрения (в 1775-1864 гг. учреждения при губернаторах, ведавшие благотворительными, учебными и медицинскими заведениями) с работными домами [5. С. 27-32].

В период правления Александра II (1855-1881) при тюремных замках были открыты отделения для малолетних и несовершеннолетних преступников в целях обучения их грамоте и ремеслу. Однако все эти попытки оказались безуспешными. Поэтому позднее, в XIX в., для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи были учреждены специальные заведения [6. С. 52-57].

Принято считать, что первенство в организации учреждений для исправления нравственно испорченных детей и несовершеннолетних правонарушителей принадлежит прибалтийским губерниям. Однако, как показали исследования Л.И. Беляевой, первая в России земледельческая колония для малолетних бродяг была открыта в 1819 г. в гомельском имении графа Румянцева приглашенным в страну и принявшим российское подданство англичанином Яковом

Гердом, впоследствии известным педагогом [2. С. 7-14].

В Гомельской колонии, рассчитанной первоначально на 50, а затем на 200 человек, дети в первой половине дня обучались грамоте, после обеда осваивали столлярное, сапожное или кузнечное ремесла, а в теплое время года были заняты земледельческим трудом. К сожалению, эта колония просуществовала недолго, прекратив свое существование после смерти графа-благотворителя.

В 1828 г. под Варшавой учреждается приют для брошенных детей, на базе которого позднее была создана колония для малолетних и несовершеннолетних преступников.

В 1839 г. близ Риги по образу и подобию «Сурового дома» в Германии было открыто заведение для нравственно испорченных и нищенствующих детей, не совершивших преступлений. Созданное при участии доктора Вихерна и принявшее первых воспитанников из его «Сурового дома», оно в отличие от предыдущих просуществовало более 50 лет.

В том же, 1839, году в исправительное заведение для несовершеннолетних был преобразован Петербургский смирительный дом. В этом заведении имелось отделение для совместного содержания преступных и порочных детей, то есть как совершивших преступления, так и подверженных нравственным порокам. В этом заведении, просуществовавшем до начала 70-х гг. XIX в., содержались дети, осужденные за совершение преступлений и приговоренные к помещению в смирительный дом [4. С. 57-61].

В 1848 г. в Нарве, а спустя два года и в Ревеле (ныне – Таллин) открылись воспитательные заведения для нравственно испорченных детей.

В 1863 г. при Симоновском монастыре в Москве был открыт приют для арестованных детей, а в следующем году заведение для исправления нравственно испорченных детей женского пола было образовано в Санкт-Петербурге.

В 1864 г. Общество распространения полезных книг открыло в Москве исправительную школу для малолетних детей,

находящихся под следствием по обвинению в совершении преступлений. На основе этой небольшой школы позднее был создан приют, постепенно разросшийся в крупное заведение для несовершеннолетних правонарушителей, которое просуществовало до 1917 г.

Исследователи обращают внимание на то, что первые специальные заведения для нравственно испорченных (порочных) детей создавались без необходимых законодательных актов. Их появление относится к периоду судебных реформ второй половины XIX в. Закон об исправительных приютах для несовершеннолетних был принят в 1866 г., когда в России уже существовало несколько подобных заведений. Однако возникновение и развитие специальных исправительных учреждений для несовершеннолетних связывается не только и не столько с судебными реформами, сколько с социально-экономическими условиями в стране. Вторая половина XIX в. характеризовалась формированием в России новых капиталистических отношений, базирующихся на укреплении экономического благосостояния крупных и разорении мелких собственников, крестьян, бедственном положении рабочих. Увеличение промышленного и финансового капитала, а также сопутствующее этому обнищание народных масс вело к имущественному и социальному расслоению общества, усиливало социально-экономические конфликты. Города наполнялись маргиналами (люмпенами, бродягами и др.), не имевшими устойчивых социальных связей, семьи, дома [3. С. 10-36]. Помимо прочего это влекло за собой рост числа детей, пополнявших толпы нищих, бездомных, преступников.

Произошедшие к этому времени перемены в общественном сознании, в котором возобладала идея исправления преступников, способствовали стремлению к усовершенствованию специальных заведений для «неустроенных» детей: бродяг, нищих, бесприютных и беспризорных.

К числу первых исправительных заведений, получивших развитие после Судебной реформы 1864 г. и оценивавшихся специалистами как наилучшие не только в России, но и в Европе, относят Московский

городской Рукавишниковский приют и Санкт-Петербургскую земледельческую колонию.

Рукавишниковский приют (назван по имени одного из директоров – Н.В. Рукавишникова) был основан в 1864 г. как небольшая исправительная школа, первоначальное назначение которой заключалось в предоставлении убежища малолетним подследственным, а также приюта бродяжничающим и нищенствующим детям. Их обучали Закону Божию, грамоте, переплетному ремеслу. Со временем в школу стали принимать осужденных детей и подростков. С этого момента она преобразовалась в приют, устав которого был утвержден в 1868 г. Особенность данного приюта состояла в том, что по окончании срока наказания связь с воспитанниками не прекращалась, а бесприютные оставались в стенах заведения и находились под наблюдением еще в течение трех лет. Характер заведения менялся, и постепенно оно сформировалось как ремесленный приют с обучением воспитанников различным профессиям. В приюте не было деления на группы, отсутствовало коллективное руководство жизнью детей. Основную работу с ними выполняли «дядьки» из числа отставных унтер-офицеров. Все воспитанники размещались в одном доме, работали в общих мастерских под руководством наемных мастеров. По вечерам дети учились в школе, где преподавали приглашенные (приходящие) учителя. Ночью за воспитанниками наблюдал один из «дядек». Под их неусыпным контролем дети находились везде и всегда.

Санкт-Петербургская земледельческая колония в отличие от Рукавишниковского приюта была построена по образцу западноевропейских заведений. В колонии содержались дети и подростки в возрасте от 8 до 18 лет, беспризорные и нищие, а также осужденные. Некоторые из них совершали преступления неоднократно, побывали в тюрьме или воспитательном доме. Среди первых воспитанников было немало взрослых, знакомых с тюремной жизнью и ее «законами». Тем не менее к ним, как и к другим воспитанникам, подходили с оптимизмом, старались вызвать к жизни их добрые чувства, лучшие стороны и склонно-

сти. В колонии отказались от тюремных атрибутов: стражи, камер, карцеров, надзирателей и пр.

Все воспитанники делились на группы, именовавшиеся семьями, в которые включались до 15 человек при одном воспитателе. Вместе с ним семья жила в отдельном домике. Для создания новой семьи из одной или нескольких старых, сложившихся, выделяли 4-5 лучших по поведению воспитанников как ядра нового семейного коллектива. Усилия педагогов направлялись при этом на сплочение новой семьи и объединение всех семей на коллективистских началах.

Вся жизнь колонии подчинялась строгому распорядку, в котором сочетались физический и умственный труд, организованный отдых. Здесь впервые в практике исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей нашла применение теория трудового воспитания, разработанная основоположником научной педагогики в России К.Д. Ушинским (1824-1870/71). При этом труд никогда не рассматривался и не использовался в качестве наказания за проступки. Все работы по хозяйству в порядке самообслуживания выполнялись воспитанниками. Ежедневно назначались дежурные по домику, столовой. Ввиду множества обязанностей дежурный освобождался от основной работы, но не от уроков в школе.

Дети в колонии работали четыре часа, учились – пять. В зависимости от степени подготовки они делились на группы. По истечении определенного срока знания воспитанников проверялись, и они переводились в следующую группу. Директор заведения известный педагог А.Я. Герд (1841-1888) сам вел занятия, применяя новейшие достижения педагогики того времени, в том числе проблемный метод обучения. В колонии проводилась большая работа по развитию навыков самообразования подопечных, использованию книги в воспитательных целях. Показательно, что провинившихся и наказанных детей не лишали возможности читать.

Для развития чувства коллективизма воспитанники вовлекались в самоуправление, органами которого были собрания. Они

проходили под руководством воспитателей, имевших равное с воспитанниками право голоса. В колонии последовательно осуществлялся принцип совместной деятельности воспитателя и подопечного: педагоги вместе с детьми участвовали в работах, играх, бывали на прогулках, посещали столовую и, как уже отмечено, жили с ними в семьях (домиках) [1. С. 43].

Большое внимание уделялось индивидуальной работе с воспитанниками. Для обеспечения систематичности в этой работе велись дневники, в которых делались записи о поведении детей и подростков, составлялись их характеристики. Девизом педагогической деятельности воспитателей было нравственное возвышение детей, внушение уважения к личности человека. Исходя из этого в колонии отказались от применения телесных наказаний как вредных и антигуманных. На основании убеждения в том, что наказание должно носить нравственный характер и вытекать непосредственно из нарушения, в этом заведении сложилась следующая система наказаний: выговор; внушение; запрет работать, купаться, гулять в лесу, играть вместе с другими детьми; лишение доверия; отдача под надзор товарищей. Самым строгим наказанием было удаление в отдельный домик, которое применялось крайне редко, только для смирения буйства воспитанников. Вопрос о наказании провинившегося решался не единолично воспитателем, а с участием воспитанников, которым и предстояло решить, целесообразно ли само наказание и какой его вид избрать в каждом конкретном случае. Руководящая роль воспитателя в этом, как и в любом другом, деле не только не отрицалась, но и признавалась как один из важнейших принципов педагогической работы с несовершеннолетними правонарушителями.

Неотъемлемой частью их перевоспитания считался патронат, т.е. покровительство после выпуска из колонии. Поскольку реализация этой идеи не нашла поддержки в вышестоящих инстанциях, такая работа была организована на свой страх и риск: директор и воспитатели заботились о приискации места, оказывали материальную и моральную помощь, давали приют тем из

воспитанников, которым некуда было деться по выходе из заведения.

А.Я. Герд, как один из первопроходцев дела исправительного воспитания в России, внес ряд ценных предложений по формированию и совершенствованию этой практики уже в начальный период ее становления. Так, он предлагал отделить осужденных подростков от бесприютных и нищенствующих; изменить порядок исполнения приговора, чтобы несовершеннолетние осужденные не попадали сначала в тюрьму, а сразу направлялись в колонию; организовать патронат; учредить школу для воспитателей; образовать фонд для их пенсионного обеспечения. К сожалению, ни одно из его предложений не нашло поддержки у властей.

Тем не менее, заслуга А.Я. Герда в указанном деле, по справедливой оценке Л.И. Беляевой, состоит в том, что, унаследовав философско-педагогические взгляды передовых теоретиков, он сумел свести их в стройную систему и впервые применить ее в практике исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей. Выработанная им система воспитания оказалась жизнеспособной, достаточно устойчивой и верной. Пройдя через десятилетия и применяясь во многих воспитательных заведениях, она по существу сохранилась до настоящего времени [2. С. 15-42].

Библиографический список:

1. Багреева Е.Г., Данилин Е.М. Возвращение к Макаренко. М., 2006.

2. Беляева Л.И. Воспитание несовершеннолетних правонарушителей в России: в 3 ч. – Ч. 1: Учреждения для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи. М., Воронеж, 2007.

3. История России: вторая половина XIX-XX век: курс лекций / под ред. Б.В. Леванова. Брянск, 1994.

4. Фумм А.М. К вопросу о ведении учета арестантов в Российской Империи (XIX-началоXX вв.) // История государства и права. 2015. № 11.

5. Фумм А.М. Уголовно-исполнительные нормы как основа пенитенциарной политики Российского государ-

ства XVIII века // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 4.

6. Фумм А.М. Эволюция отечественного пенитенциарного законодательства в первой половине XIX века // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 3-4 (49-50).

7. Частная криминология / отв. ред. Д.А. Шестаков. СПб., 2007.

©Спасенников Б.А., Яковлева О.Н., 2015